

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

Коммуналка

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Коммуналка / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-235213-3

Осень 1950 года. В одной из комнат в московской коммуналке от передозировки снотворным умирает бывший зэк Матвей Зубков. За тонкими перегородками семеро его соседей слышат стоны, хрипы и предсмертный скрежет ногтей. Но никто не приходит на помощь.

Утром милиции скажут — умер тихо, во сне. По естественным причинам.

И ВСЕ СЕМЕРО ПОДТВЕРДЯТ ЭТУ ЛОЖЬ.

Выдавая себя за простого спившегося кладовщика, на место покойного заселяется следователь Аркадий Никитин с семьей. Все верят, что он — никто. Пустое место.

ИДЕАЛЬНЫЙ СОСЕД ДЛЯ ТЕХ, КОМУ ЕСТЬ ЧТО СКРЫВАТЬ.

Следователь вскоре понимает, что за каждой дверью прячется своя правда. Каждый из жильцов что-то видел, что-то знает. Но все молчат.

ПОТОМУ ЧТО В ЭТОЙ КОММУНАЛКЕ БОЯТСЯ НЕ УБИЙЦУ. ЗДЕСЬ БОЯТСЯ СОСЕДА.

Никитин под маской кладовщика не может проводить допросы, требовать и угрожать. Он может только вглядываться в глаза, полные лжи, и ждать, когда кто-то из соседей совершит ошибку. Но жена Варя и дочка Маша ждать не могут.

ПОТОМУ ЧТО ОНИ СТАЛИ ПРИМАНКОЙ В КЛЕТКЕ С ВОЛКАМИ.

И главный вопрос здесь уже не «кто убил старика?», а...

КАК НАЙТИ ОДНОГО УБИЙЦУ, ЕСЛИ ВИНОВНЫ ВСЕ?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235213-3

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

СЕМЕРО СОСЕДЕЙ

Для человека, который впервые переступал порог квартиры номер сорок три, теплая, наполненная густым медовым светом московская осень словно исчезала навсегда. Здесь царили вечные сумерки, а воздух был плотным, многослойным. Он пах старым паркетом, жженой подсолнечной олифой, керосином и чужой, давно слежавшейся жизнью.

— Принимай на себя, Петрович, не тяни! — хрипел потный грузчик с перекошенным лицом. — Правее бери, ну! Тут же сундуки одни!

Аркадий Петрович Никитин, тяжело дыша, перехватил неподъемный край трюмо. На лбу его блестела испарина, выцветший, чуть коротковатый в рукавах пиджак натянулся на плечах так, что, казалось, вот-вот треснет по шву. Медленно, шаг за шагом, они втискивали громозд-

кую мебель с тремя высокими зеркалами в узкий, казавшийся бесконечным коридор коммуналки.

Свет от тусклой лампочки под потолком скользил по зеркальным створкам, и трюмо, словнодвигающийся перископ, выхватывало и множило куски коридорной жизни: пыльные велосипедные колеса на стене, грязные тазы, продавленные стулья.

Варя шла позади, прижимая к груди Машеньку. Девочке шел второй год, она сосала палец и сонно моргала, убаюканная ритмичным покачиванием материнских рук. Варя остановилась у стены, стараясь слиться со старыми, пожелтевшими обоями. Она кутала дочку в шерстяную шаль и смотрела перед собой напряженно и собранно. Никаких слез, никаких истерик. Только плотно сжатые губы женщины, которая точно знает, что ближайшие месяцы ей предстоит провести на этих пропахших гнилой капустой метрах, рядом с чужими людьми, запертыми в этом лабиринте.

Квартира просыпалась. Звук чужих шагов и тяжелое шарканье по паркету работали как сигнал тревоги. Вдоль коридора одна за другой начали приоткрываться двери. Экосистема реагировала на вторжение.

Первой выросла на пути Клавдия Шмырева. Она стояла у дверей кухни, наглухо застегнутая,

с перекинутым через плечо сухим вафельным полотенцем. Ей было лет сорок. Бледное, обтянутое пергаментной кожей лицо выражало брезгливую непреклонность. Волосы были стянуты железными невидимками так туго, что, казалось, от этого у нее непременно должна болеть голова.

— Осторожнее, граждане! — голос у Клавы был резкий, как звук рвущейся ткани. — Вы мне сейчас все углы посшибаете своей махиной! И так дышать нечем. А лишняя мебель крадет кислород. Не забудьте открыть в комнате форточку, чтобы запах к нам не шел.

— Простите, разлюбезная хозяйка, — виновато и как-то заискивающе улыбнулся Никитин, стирая свободной рукой пот со лба. — Мы аккуратненько. Бумага у меня от райжилотдела. У вас комната свободная образовалась, ну начальство депо и пошло мне навстречу...

— Свободная, как же, — донесся из полумрака густой, рокошующий бас.

Из глубины коридора тяжело вывалился Борис Коркин. На нем была расстегнутая выцветшая гимнастерка без погон, галифе топорщилось над сапогами. Он встал посреди прохода, заложив руки за спину, и смерил Никитина тяжелым, бычьим взглядом, в котором безошибочно читалась готовность задавить новосела в первый же день.

— Знал бы ты, интеллигенция складская, от кого она освободилась, эта комнатка, — усмехнулся Коркин, поигрывая желваками. — Вы б сперва батюшку позвали с кадиллом, а потом уж зеркала свои буржуйские расставляли.

Варя окинула Коркина быстрым, цепким взглядом, перехватила Машеньку удобнее и продолжала стоять молча.

Из-за спины Коркина, словно из-под укрытия, на секунду выглянуло измученное, но еще сохранившее остатки былой красоты лицо Зины Вороновой. Молодая женщина крепко держала за руку испуганного мальчишку лет семи. Ребенок смотрел на Варю с открытым любопытством, но Зинаида дернула его за плечо и тут же скрылась за дверью своей комнаты, неслышно задвинув щеколду.

В одном из зеркал покачивающегося трюмо Никитин успел поймать отражение молодого щеголя. Валик Осокин, двадцати трех лет от роду, привалился плечом к дверному косяку. В зубах у него дымилась папироса, а трофейный пиджак пятьдесят шестого размера свисал с плеч молодого человека как с огородного пугала.

— Да ладно вам, дядь Борь, пугать людей, — протянул Валик с ленивой столичной усмешкой. — Пусть заезжают. У нас тут ве-

село. Главное, кастрюли на кухне без присмотра не оставлять, правда, соседushки?

Где-то в самом конце коридора, в спасительном мраке, глухо кашлянули. В воздухе поплыл запах хорошего табака. Из-за распахнутой двери, выглянув наполовину, холодными, отстраненными глазами за суетой наблюдала Капитолина Эдуардовна. И там же, почти у самой кухни, бесплотной серой тенью застыла Сима Глушко в растянутом сером свитере. Она не проронила ни слова, даже не шелохнулась, и была похожа на гипсовую статую.

Наконец приоткрылась последняя из восьми дверей в коридоре — робко, всего на ширину ладони. В щели блеснули толстые линзы очков Льва Ильича Залесского. Он попытался сочувственно улыбнуться Никитину, но тут же, испугавшись собственного порыва, поспешно захлопнул дверь.

— Давай, Петрович, еще рывок! — рывкнул грузчик, не обращая внимания на ядовитую атмосферу коммуналки. Конечно, ему тут не жить.

Они наконец дотащили трюмо до двери свободной комнаты. Никитин вынул из кармана ключи, выданные ему в жилищном отделе, клацнул замком и толкнул дверь плечом. В нос ударил спертый, тяжелый запах заброшенного человеческого жилья. Аркадий кивнул Варе и пропустил

жену с дочкой вперед. Затем обернулся к застывшим в коридоре новым соседям, снова добродушно и криво улыбнулся, приглаживая ладонью упавшую на лоб челку.

— Вы уж не сердчайте, люди добрые, — мягко сказал он. — Обживемся как-нибудь... Мы народ тихий. Кладовщик я, при депо работаю.

Он и грузчик снова взялись за трюмо, последним рывком затащили его в комнату и поставили сбоку от окна. Грузчик с благодарностью принял смятую купюру, шустро сунул ее в карман, пожал Никитину руку и вышел.

Аркадий прикрыл за ним дверь и повернул ключ в замке. Варя, опустив Машеньку на старый, продавленный диван, с облегчением прислонилась спиной к прохладной стене. Добродушная улыбка мгновенно исчезла с лица Никитина. Он окинул комнату тяжелым, цепким взглядом, распахнул створку окна и коротко, еле заметно кивнул жене.

— Вот тут мы теперь будем жить.

ГЛАВА 2 НЕХОРОШИЙ ДИВАН

Комната была относительно большой. Как сказали Никитину в жилотделе, одна из самых просторных в коммунальной квартире номер сорок три. Сквозь тусклое, давно не мытое стекло слабо сочился октябрьский свет, но все же можно было рассмотреть небольшой двор и величественные клены с золотой листвой.

Интерьер был, мягко говоря, убогим: голая лампочка под потолком, сиротливо свернутый у плинтуса пыльный ковер и продавленный диван в углу, на котором недавно мучительно умирал человек. Запах затхлой ткани и какого-то застарелого лекарства был настолько плотным, что саднило в горле.

Никитин тяжело опустился на скрипнувший стул и прикрыл глаза. Достал из кармана мятый платок и медленно вытер взмокший лоб. Он ка-

зался сейчас невероятно уставшим — плечи опущены, складки у рта стали резче, глубже.

Варя стояла у окна, прижав руки к груди. В ее глазах плескалась почти осязаемая, немая тоска. Она окинула взглядом эти обшарпанные стены, осыпающуюся штукатурку, и губы ее дрогнули.

Машенька подбежала к подоконнику, встала на цыпочки и прижалась носиком к стеклу.

— Дядя, — звонко сказала она, показывая пальчиком на дворника, лениво гоняющего сухую листву по асфальту. Ее детский, чистый голос прозвучал в этой мертвой комнате чужеродно и даже страшно.

Варя порывисто шагнула к мужу. Лицо ее было смертельно бледным, пальцы нервно теребили бахрому старой шерстяной шали.

— Аркаша... — начала она сдавленным, прерывистым шепотом, в котором звенело неподдельное отчаяние. — Я не выдержу здесь. Ты же чувствуешь... этот запах. Тебе обещали, что здесь будет чисто и светло, после ремонта... А на самом деле... Как же мы теперь, Аркаша?

Никитин открыл глаза. Плавным движением он поднял руку. Указательный палец лег на губы. Варя мгновенно осеклась. Она тяжело сглотнула, словно подавилась собственными слезами, и, покорно опустив плечи, снова отступила к окну.

Сцена выглядела как внезапный срыв измученной женщины, которую грубо, одним жестом осадил уставший, доведенный до края муж. И только они двое знали, что эти слова были репликой в спектакле, сыгранной для тех, кто мог в эту секунду стоять по ту сторону двери.

Варя опустила взгляд на подоконник, увидела маленькую, со спичечный коробок, деревянную матрешку с искусно вырезанными глазками, губками и носиком, машинально коснулась ее пальцем, не понимая, что это, откуда эта вещица здесь. Матрешка упала, покатилась по подоконнику, но не свалилась на пол, а забилась куда-то в щель под рамой.

Никитин молча поднялся, подошел к стене, разделяющей их комнату и коридор, и выразительно постучал костяшками по старым обоям. Звук получился глухим, но Никитин все понял: картонка, а не стена.

Затем он шагнул к двери. Неслышно, мягко шагнул, хотя ботинки его были тяжелыми, стоптанными. Варя затаила дыхание. Никитин взялся за ручку и резко, без скрипа, дернул дверь на себя.

В открывшийся проем едва не ввалилась серая фигура. Это была та самая незаметная женщина неопределенного возраста в серой кофте, Сима. Она нелепо взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие.

— Ох, мамочки, — негромко воскликнула Сима, прижимая к груди войлочный тапочек. Непонятно было, с какой целью она держала его в руках. То ли переобуться собиралась, то ли бить тараканов, то ли использовать его как щит. Лицо ее пошло красными пятнами, но в глазах, белесых и цепких, никакого страха не отразилось.

Никитин застыл на пороге. На лице его возникло идеальное, почти простодушное удивление.

— Простите, гражданочка, — он развел руками, чуть склонив голову. — Вы уж не сердитесь ради бога. Чуть было с ног вас не сбил. Никак заблудились в собственном коридоре?

Сима быстро поправила свою бесформенную кофту.

— И вовсе не заблудилась, — прошептала она, стреляя глазками в полумрак комнаты. — Я, это, проверяла... не дует ли вам. А то щели тут... У покойного-то всегда сквозняком тянуло. Он все кашлял да кашлял.

— Заботливая вы какая, — Никитин добродушно хмыкнул, доставая из кармана пачку папирос. — Спасибо. Только мы народ привычный. У нас в депо, на складе, и не такие сквозняки свистят.

— Ну-ну, — Сима попятилась, не сводя с него глаз. — На складе — это хорошо. Это

КОММУНАЛКА

сытно. — Она вдруг подалась вперед и зашептала еще тише, обдав Никитина запахом лука. — Вы бы диванчик-то его... того... на помойку снесли. А то ведь он на нем прям и отдал богу душу. Все стены исцарапал. Нехорошая мебель.

Никитин медленно достал папиросу, помял ее в пальцах.

— На помойку — это расточительно. Мы газетами застелем, — вздохнул он, изображая хозяйственную скупость. — Пойду-ка я, покурю. Где у вас тут курят-то?

— Да на кухне, где ж еще, — буркнула Сима, разочарованная реакцией нового соседа, и бесшумно, как мышь, растворилась в полумраке коридора.

Никитин перехватил испуганный взгляд Вари, чуть заметно кивнул ей, ободряя, и закрыл за Симой дверь.

ГЛАВА 3 СИЗЫЙ ЧАД

Варя разбирала узлы, двигаясь по комнате неуверенно, словно пол был покрыт скользким льдом. Весь их нехитрый скарб уместился у одной стены. Кроме трюмо комнату заполняли старый фанерный чемодан с ободранными углами, два туго перевязанных узла с бельем да детская кроватка, которую Никитин только что собрал, подложив под качающуюся ножку свернутый кусок газеты. Ни картин, ни ковров, ни хрусталя, а только скромный быт людей, которых жизнь внезапно вышвырнула с обжитого места на самое дно чужой коммуналки.

Варя то и дело замирала, прислушиваясь к звукам за стеной. Когда в коридоре протяжно, с каким-то надрывным стоном скрипнула половица, она вздрогнула так, словно ее ударило током и бросилась к Машеньке. Подхватив на руки

ничего не понимающую малышку, прижала ее к себе и с расширенными от ужаса зрачками уставившись на хлипкую дверь. Ей, гордой и красивой женщине, вдруг стало невыносимо жаль и себя, и Аркашу, и Машеньку, вынужденных теперь прозябать в комнате умершего зэка и вздрагивать от каждого шороха маргинальных соседей. Не бедность угнетала ее больше всего. Варя смотрела на стены с животным, липким страхом потому, что знала: прямо за ними, всего в нескольких шагах, обитает опасный и коварный человек.

Никитин понимал, что происходит в душе у Вари, но не пытался успокаивать жену. Вместо этого он достал из кармана перочинный нож, отвертку и принялся методично, почти любовно разбирать дверной замок. Он вычищал из него многолетнюю грязь, смазывал механизм машинным маслом, добиваясь, чтобы защелка ходила мягко и бесшумно. Дверь была приоткрыта на два пальца, и сквозь эту узкую щель Аркадий Петрович неотрывно наблюдал за коридором. Он видел, как жильцы ходят в уборную, задерживаются у чужих дверей, как Сима шаркает своими войлочными тапками, сливаясь со стенами. Старая, въевшаяся в сознание профессиональная привычка следователя подмечать каждую мелочь никуда не делась, даже когда на плечах оказался чужой куций пиджачок.